

автор

Камелия Расуловна

«Пустыня и Византия»

18+

18+

Камелия Расуловна
Пустыня и Византия

«Автор»

2026

Расуловна К.

Пустыня и Византия / К. Расуловна — «Автор», 2026

«Между нашими мирами лежала пустыня... но в тот день судьба свела их в одной точке — и пустыня пришла ко мне. И у неё было человеческое лицо». Она — византийская принцесса, запертая в золотой клетке дворца. Он — воин из песков, пленник, враг. Их разделяет всё: вера, стены, кровь. Но один взгляд разрушил границы. Ради него она пойдёт против отца, отравит колодцы и бросит вызов империи. Ради неё он, рождённый для войны, захочет жить. Это история о любви, которая опаснее меча, и о том, что иногда пустыня приходит не затем, чтобы уничтожить твой мир — а чтобы стать твоим домом. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

© Расуловна К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пустыня и Византия	5
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	13

Камелия Расуловна Пустыня и Византия

Пустыня и Византия

Между нашими мирами лежала пустыня, пропитанная кровью и пророчествами, и мы оба считали, что Бог на нашей стороне.

Меня зовут Адриана. Я дочь императора Льва, принцесса Византии. Всю свою жизнь я прожила в каменной крепости, где пахло дымом, конями и страхом. Где стены были такими толстыми, что даже ветер не мог пробиться сквозь них.

Но в тот день Бог — или судьба, или просто жестокая случайность — свел наши миры в одной точке.

В пыльном дворе отцовской крепости.

Где он стоял среди своих воинов, но казался отделенным от них .

Глава 1

Между нашими мирами лежала пустыня, пропитанная кровью и пророчествами, и мы оба считали, что Бог на нашей стороне.

Меня зовут Адриана. Я дочь императора Льва, принцесса Византии. Всю свою жизнь я прожила в каменной крепости, где пахло дымом, конями и страхом. Где стены были такими толстыми, что даже ветер не мог пробиться сквозь них.

Но в тот день Бог — или судьба, или просто жестокая случайность — свел наши миры в одной точке.

В пыльном дворе отцовской крепости.

Где он стоял среди своих воинов, но казался отделенным от них .

Глава 2

Глава 2. Переговоры

Переговоры в главном зале были делом мужчин и оружия. Я наблюдала из галереи, из за скрытой решетки. И только он — Саджар ибн — казалось, слушал не ушами, а той же тишиной внутри себя. Его ответы были кратки и точны.

Когда свита отца удалилась на совет, а его воинов повели в боковые покои, он по какой-то прихоти заблудился в лабиринте дворцовых переходов.

Я нашла его в самом сердце моего убежища — в маленьком внутреннем саду, где стояли горшки с моими травами. Он стоял, повернувшись спиной, и рассматривал серебристые листья полыни, зажав их осторожно между пальцев. Он не услышал моих шагов — или сделал вид.

— Это горькая полынь, — сказала я, и голос мой прозвучал громче, чем я хотела. — Она лечит лихорадку и прогоняет злых дү хов.

Он медленно обернулся. В узком пространстве моего сада он казался еще больше.

— А от злых духов из плоти и крови? — спросил он.

Его медовые глаза изучали меня — уже без грусти, с сосредоточенным интересом — Поможет?

— Для духов из плоти и крови есть другие травы, — ответила я, чувствуя, как горит щека под его взглядом. — Но их применение — это уже не медицина, а искусство войны. Твое искусство.

Уголок его рта дрогнул. Это была не улыбка — признание.

— Меня растили разбираться в сталях и в тактике, — сказал он тихо, подходя ближе.

От него пахло чем-то чужим — ветром, далью, свободой.

— Меня не учили разбираться в... этом, — он кивком указал на мои баночки с травами.

— А тебя учили смотреть так, как ты смотрел на меня со двора? — вырвалось у меня.

Он замер.

— Меня учили видеть поле боя. Видеть противника, видеть страх в его глазах за милю. — Он сделал шаг и подошел совсем близко — так, что я чувствовала его дыхание. — Но тебя... тебя я увидел не как противника. Я увидел тишину посреди этого ада. Я увидел оазис.

Это было безумием. Предательством. Его слова были отравленным медом, и я жаждала их больше, чем воздуха. Он был враг. Он был пустыней, пришедшей стереть мой мир в пыль.

— Ты пришел забрать наши земли, — прошептала я.

— Я пришел. А сейчас я заблудился. И нашел сад. И девушку, которая знает язык растений и смотрит на меня не как на дьявола.

Он протянул руку, как бы приглашая. Между его пальцев все еще была веточка полыни.

— Меня зовут Саджар.

— Адриана. Дочь императора Льва.

Он кивнул, будто уже знал. Его взгляд упал на звездный чертеж, разложенный на камне.

— Ты веришь, что судьба написана в звездах? Или в травах?

— Я верю, что в травах — исцеление, — сказала я. — А в звездах только вопросы. Как и во всем.

— У нас в пустыне говорят, что судьба пишется Аллахом. — Он положил веточку полыни на мой чертеж.

Стук шагов в коридоре заставил нас вздрогнуть. Стена тишины рухнула. Он отступил, и в его глазах вновь появилась привычная твердость. Но теперь я знала, что скрывается под ней.

— Они ищут меня, — сказал он.

— Знаешь дорогу? — спросила я, и мое сердце бешено протестовало против этого вопроса. Оно хотело, чтобы он остался. Чтобы заблудился навсегда.

Он посмотрел на дверь, потом снова на меня.

— Нет, — честно ответил он.

Но шаги приближались. Реальность — жестокая и неизбежная — врывалась в наш хрупкий оазис.

Я шагнула к двери, ведущей в другой коридор.

— Сюда. Быстро.

Он скользнул за мной, и мы побежали по узкому переходу, где когда-то, маленькой девочкой, я пряталась от нянек. Я знала каждый поворот, каждую нишу. Мы вынырнули у лестницы, ведущей к заднему двору, где ждали его воины.

— Здесь, — выдохнула я. — Дальше сам.

Он повернулся ко мне. В темноте его глаза казались черными, но я знала этот цвет. Темный мед. Пустыня.

И исчез в полумраке.

Я стояла, прижимая руку к груди, и чувствовала, как бьется сердце. Пустыня не просто пришла — она поселилась у меня в сердце. И у этой пустыни было имя.

Саджар.

Глава 3

Глава 3. Капитуляция

Капитуляция отца была тихой и горькой, как полынь. Он не сломал меч об колено — он просто опустил его, глядя в глаза Саджару, который стоял теперь не в пыльном дворе, а в тронном зале. Молчаливый и непреклонный.

— Жизни за жизни, — сказал мой отец, император Лев. — Ты получишь ключи от крепости, а мои люди уйдут живыми.

Саджар кивнул. Один раз.

И наш мир перевернулся.

Я стояла тихо, вцепившись в холодный мрамор у стены, наблюдала, как мой отец, великий император, протягивает врагу связку ключей — тех самых, что висели у его пояса всю мою жизнь. Саджар принял их, не глядя на отца. Его взгляд нашел меня. Всего на миг. Но в этом миге была та же тишина, что и в саду.

И тут я заметила.

Отец, опуская руку, едва заметно коснулся пальцами своего пояса. Там, под плащом, всегда был скрыт маленький кинжал. Этого кинжала на поясе не было. И взгляд отца, обращенный к Саджару, был взглядом не побежденного, а хищника, который затаился в засаде и считает секунды до прыжка.

Меня пронзило холодом. Он что-то задумал.

Когда мы покидали крепость, его спина была прямой, но я знала эту походку — так он ходил перед битвой. Мы вышли во двор, где уже строились остатки нашего войска.

Людей было мало — не больше трех сотен. — Отец, — начала я, когда мы сели на коней. — Что происходит?

Он обернулся ко мне. В его глазах, обычно холодных и непроницаемых, сейчас горел тот самый огонь, что я видела в детстве.

— Мы уходим, дочь. И чем быстрее, тем лучше.

— Но куда?

— В Фессалоники. К моему брату. Это ненадолго.

Я не стала расспрашивать. Не здесь, не сейчас, среди чужих ушей и пыльных стен, которые уже не наши. Но я знала. Я чувствовала каждой клеткой своего тела, каждой каплей крови — это не конец. Это только начало. И мой отец не тот человек, который прощает унижение.

Мы выехали за ворота, и я позволила себе один-единственный взгляд назад. На крепостной стене, высоко-высоко, стояла фигура. Саджар смотрел нам вслед. Я чувствовала его взгляд на своей спине.

Глава 4

Глава 4. Фессалоники

Фессалоники встретили нас сыростью и запахом моря. Дворец дяди был меньше нашего, но суэта в нем кипела чужая, равнодушная. Меня поселили в башне, выходящей окнами на залив, и первые три дня я просто смотрела на воду, пытаюсь успокоить мысли.

Но они не успокаивались.

Отец почти не появлялся. Он запирался с дядей в дальних покоях. Я пыталась подслушивать, но стража у дверей была непробиваемой. Он готовил удар. Но какой? И когда?

Я не спала ночами. Я закрывала глаза и видела его лицо — Саджара. Как он стоит в моем саду, сжимая в пальцах веточку полыни. Как смотрит на меня. Как провожает взглядом. Как его губы коснулись моей руки.

И каждый раз, когда перед глазами вставала эта картина, внутри разливался жар. Невыносимый, запретный, сладкий.

Он не выходил у меня из головы. Ночь за ночью я просыпалась от жара, струившегося по жилам. Это было безумием. Болезнью. Предательством собственной крови. Но пустыня звала тихим, настойчивым голосом, и мое тело отзывалось на этот зов диким трепетом.

В моих ночных видениях он не был завоевателем. Он был тем, кто нашел меня в саду, кто говорил о тишине и оазисе. Тем, чьи глаза цвета темного меда смотрели на меня так, будто я была единственным источником воды посреди бескрайней пустыни.

И я ненавидела себя за то, что хочу, чтобы эти видения стали реальностью. Чтобы его руки, такие сильные и в то же время бережные, сомкнулись на моей талии. Чтобы его губы снова коснулись моей кожи — но не на руке, а там, где я не смела даже мысленно позволить.

Я с силой зажмурилась и шептала молитвы, пытаюсь выжечь этот образ из сознания. Но он возвращался снова и снова.

Прошло три недели.

Три недели ожидания, шепотов за дверями, взглядов отца, которые становились все темнее и непроницаемее.

Глава 5

Глава 5. Западня

В это время, как я узнала позже, далеко на севере разворачивалась другая драма.

Оставив крепость, Саджар после нашего отъезда двинулся дальше на север. Там, в горах, где византийские земли граничили с дикими племенами, его ждали. Его собственные люди — те, кому он доверял, с кем делил хлеб и воду в пустыне — расставили ему ловушку.

До меня доходили только обрывки, слухи, которые шептали воины в коридорах дворца дяди. Говорили, что он получил весть о попавшем в беду отряде. Предательство, которое пахло золотом и обещаниями моего отца.

Саджар ибн Малик, победитель, завоеватель крепости, пошел выручать своих. И попал в засаду.

Был ранен. Окружен. Предан теми, кого считал братьями. Схвачен и связан, как дикий зверь.

Его привезли обратно в нашу крепость уже не как победителя, входящего в захваченный город. Его привезли как пленника. Как разменную монету в новой, жестокой игре моего отца.

Я ничего этого не знала.

Я только чувствовала: что-то не так. Воздух стал тяжелее. Даже море пахло иначе — не свободой, а кровью.

И вот однажды утром отец вошел ко мне без стука. Глаза его горели тем самым огнем — перед победами, перед великими свершениями.

— Собирайся, дочь. Мы возвращаемся.

— Возвращаемся? — я вскочила с постели. — Отец, что случилось?

— То, что должно было случиться. — Он усмехнулся уголком рта, и в этой усмешке было столько торжества, что у меня похолодело внутри. — Мы едем домой. Наш план сработал.

— Какой план? — выдохнула я, хотя уже знала ответ. Знала, но не смела признаться себе.

— Тот самый. — Он подошел ближе и взял меня за подбородок, заставляя смотреть в глаза. — Пустынный шакал попал в капкан, дочь. Его привезли в нашу крепость сегодня на рассвете. Связанного, как барана.

Мир покачнулся.

Я вцепилась в руку отца, чтобы не упасть, и, кажется, он принял это за радость. За то, что его дочь разделяет его победу.

— Когда? — спросила я. — Как?

— Его же люди продали его, — отец рассмеялся — страшным смехом. — За золото, за земли, за обещания. Один из них, кажется, его брат. Представляешь? Брат продал брата. Такова цена власти, Адриана. Запомни это.

Я запомнила. Запомнила на всю жизнь.

Глава 6

Глава 6. Возвращение

Дорога назад была быстрой и молчаливой. Отряд отца, теперь уже в несколько сотен хорошо вооруженных всадников, двигался четко, как по струне. В воздухе пахло победой. Но я не чувствовала радости. Только тяжесть в груди и странное, тоскливое предчувствие.

Я пыталась молиться. Пыталась думать об отце, об империи, о долге. Но перед глазами стояло только одно: его лицо. Саджар.

И еще одна мысль, страшная, предательская, но неотвязная: он здесь. Он близко. Я снова увижу его.

На горизонте показались знакомые стены. Ворота были открыты. Над башнями — наши флаги. Снова наши. Во дворе суетились наши люди, в нашей одежде, с нашим оружием.

Все было нашим.

Кроме моего сердца.

И тогда я увидела его.

Сквозь толпу, сквозь коней и телеги, сквозь пыль и крики — я видела только его. Саджара вели стражники. Его руки были связаны за спиной грубой веревкой, оставляя кровавые следы на запястьях. Голова гордо поднята, но на лице... на лице не было страха. Только та же усталость, что я увидела в первый день.

Он был в разорванной рубашке, запачканной кровью. На скуле — огромный кровоподтек, одна бровь рассечена так, что кровь засохла коркой на веке. Он шел, спотыкаясь о камни, но его глаза — цвета темного меда, те самые глаза, которые снились мне каждую ночь, — не отрывались от меня.

Наши взгляды встретились.

И в этот миг мир вокруг исчез.

Я перестала слышать топот копыт, крики людей. Я видела только его. Только эти глаза, в которых не было мольбы, не было ненависти, не было страха. Только тишина. Та самая тишина, что была между нами в саду. Только теперь в ней прибавилось что-то новое. Вопрос? Прощание? Или обещание?

Он чуть заметно покачал головой. Один раз. Словно говорил: «Не смотри на меня так. Не выдавай себя».

Но я не могла отвернуться.

Мир вокруг исчез. Я слышала только стук собственного сердца — бешеный, громкий, предательский, готовый вырваться из груди.

Отец, гарцующий рядом на коне, перехватил мой взгляд и удовлетворенно кивнул, принимая мой ужас за радость, мое смятение — за торжество.

Он не знал. Ничего не знал.

А я смотрела, как Саджара уводят в подземелья, в темницу, и чувствовала, как пустыня внутри меня превращается в бурю.

В ней смешалось все: и жгучая, невозможная нежность, от которой сводило скулы; и ужас от того, что с ним сделают — я знала методы отца; и стыд за свою кровь, за то, что я дочь человека, который так поступил; и понимание, что эта история только начинается.

Я слезла с коня на дрожащих ногах, чуть не упав, и медленно пошла к замку. Мимо суетящихся людей, мимо радостных лиц, мимо всего этого мира, который радовался, не понимая, что сейчас, в эту самую минуту, в темнице под нашими ногами начинается нечто, что перевернет судьбы империй.

Глава 7

Глава 7. Ожидание

Я ждала три дня.

Три дня, пока отец совещался с военачальниками в большом зале. Три дня, пока слуги мыли полы после пира в честь возвращения.

Я изучила распорядок стражи лучше, чем они сами. Знала, когда Фока заступает на пост — после вечерни, когда его сменяет молодой Никон — перед рассветом. Знала, что Фока любит выпить, а Никон — поспать. Знала, что в коридоре, ведущем к темнице, три факела, и средний всегда гаснет к полуночи, потому что смола там плохая, а слуги ленятся менять.

Я готовилась.

В моей лаборатории — маленькой комнатке рядом с садом, где сохли пучки мяты, шалфея, зверобоя и полыни, где стояли банки с мазями и настойками, где пахло так густо, что кружилась голова, — я собрала все, что могло пригодиться.

Глиняная банка с мазью из окопника, тысячелистника и ладана. Ладан я освятила сама в храме в Фессалониках, когда мы были там. Стояла на коленях перед иконой и шептала молитву, а сама думала о нем. Грех. Еще один грех в копилку, которая и без того уже переполнена.

Фляга с настоем ивы и мяты — чтобы сбить жар.

Чистое полотно — разорвать на бинты. Ножницы. Игла с ниткой — на всякий случай, если раны глубже, чем кажутся. Маленький пузырек с маковым молочком — для боли, если совсем невмоготу. И еще один — с настойкой валерианы, для себя.

Чтобы руки не дрожали.

Все это я сложила в сумку, которую сшила сама — серую, незаметную, чтобы сливалась с камнем в темноте.

Я выбрала ночь.

Отец ужинал с военачальниками в большом зале. Я слышала их голоса даже через три перехода — гулкие, пьяные, победные. Они пили за возвращение, за уничтожение врага, за Никифора, который скоро станет моим мужем и объединит войска. При каждом упоминании этого имени меня передергивало.

Я поднялась к себе, сделала вид, что ложусь. Лежала в темноте, ожидая момента. Когда шаги в коридоре стихли, когда замок погрузился в ту тяжелую, тягучую тишину, что бывает только глубокой ночью, я встала.

Платье я приготовила заранее — темносинее, почти черное, с длинными рукавами и глухим воротом. Волосы стянула лентой, чтобы не болтались. На ноги — мягкие кожаные туфли без каблуков, в которых можно ступать бесшумно, как кошка.

Сумку — под плащ, прижать к телу, чтобы не болталась.

«Прости меня, Господи, если сможешь», — думала я. — «Я иду к врагу. Я иду к неверному. Я иду туда, куда мне идти нельзя».

Но я шла.